

Картинки ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКА
МИССИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ВАШИНГТОНЕ,
БРЮССЕЛЕ
И ЛОНДОНЕ

Петр
Сергеевич
БОТКИН

Пётр Сергеевич Боткин+
Картинки дипломатической
жизни. Воспоминания
сотрудника миссии Российской
империи в Вашингтоне,
Брюсселе и Лондоне

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70227175

Картинки дипломатической жизни. Воспоминания сотрудника миссии Российской империи в Вашингтоне, Брюсселе и Лондоне. / Боткин П.С.:

Центрполиграф; Москва; 2024

ISBN 978-5-227-10578-3

Аннотация

Петр Сергеевич Боткин начал свою карьеру в 1890 г. с должности младшего секретаря русской дипломатической миссии в Вашингтоне под руководством К.В. Струве. После пяти лет службы в США трудился в Софии, Лиссабоне, Брюсселе, Лондоне, Марокко, Португалии, в 1914 г. его кандидатура, тогда уже камергера, действительного статского советника рассматривалась на пост министра иностранных дел России. Воспоминания Боткина – это рассказ о жизни автора: счастливом

детстве в доме отца, знаменитого русского врача; о первых шагах на дипломатической службе в России и о работе в Америке. Он описывает события, очевидцем или участником которых явился, о прелестях и сложностях дипломатической службы, о людях, с которыми работал и встречался.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	7
Центральное ведомство	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Петр Боткин

**Картинки дипломатической
жизни. Воспоминания
сотрудника миссии
Российской империи
в Вашингтоне,
Брюсселе и Лондоне**

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Вместо предисловия

С тех пор, что я себя помню, передо мною встают образы писателей, художников, музыкантов, артистов и ученых.

Я еще не умел ни писать, ни читать, когда сидел на коленях И.С. Тургенева и слушал, ничего не понимая, как Некрасов читал в кабинете моего отца свои последние стихотворения. Ребенком я видел так называемых людей 60-х годов. Они разделялись на два лагеря – славянофилов и западников. Во главе славянофилов стоял Самарин, западниками были Грановский, Герцен, Тургенев, Василий Петрович Боткин, Белинский и многие другие. Когда В.П. Боткин, старший брат моего отца, скончался, его приятели перенесли в наш дом. Отец мой, тогда еще совсем молодой профессор Медицинской академии, был душой целой плеяды молодых русских ученых, которые собирались у него по субботам, вечером, и засиживались до поздней ночи. Поэты, музыканты, композиторы, драматурги и романисты смешивались на этих вечерах с докторами, химиками, физиологами и математиками, и все вместе за большим овальным столом представляли собой в высшей степени своеобразное сборище.

– Как это так произошло, – спрашивали моего отца, – что ваш приятель профессор химии Бородин сделался знаменитостью как композитор, заслуженный профессор зоологии Вагнер написал прелестные фантастические сказки для де-

тей, а Цезарь Кюи, читающий фортификацию в Михайловской артиллерийской академии, сочиняет романсы?

– Все это результаты субботних вечеров, – шутил мой отец. – Когда музыканты, литераторы и ученые садятся за один и тот же стол и пьют чай из того же самовара, происходят метаморфозы – ученые становятся артистами и наоборот.

Отец мой сам был большим любителем музыки и играл на виолончели. Будучи чрезвычайно занятым человеком, он не мог отдавать музыке много времени, и потому техника его страдала, но музыкальное чутье было так развито, что он мог на своих вечерах участвовать в квартетах, не отставая от больших артистов.

Я слышал Антона Рубинштейна прежде, нежели мог оценить полностью его громадный талант, но помню, с каким благоговением внимали игре его все наши гости; я вижу, как теперь, перед собой Рубинштейна, вдохновенного за роялем, с головой, напоминающей Бетховена, потрясающего длинными прядями черных волос, причем он слегка рычал, как большая сенбернарская собака, ударяя по клавишам мощные аккорды. Он обливался потом после всякого большого музыкального произведения, как, например, Венгерская рапсодия Листа, и группа дам, всегда следовавшая за ним, набрасывалась на него, ревниво сохраняя за собой прерогативы ухода за музыкальным гением. Знаменитая Лавровская пела у нас, Стрепетова декламировала, виолончелист Давы-

дов услаждал своим удивительным смычком, скромный и застенчивый Балакирев был нашим учителем музыки... все они были частыми посетителями субботних вечеров. Мой отец обладал необыкновенной притягательной силой. Всегда приветливый, радушный, он влиял на здоровых, как и на больных, чарующим образом, чем и объясняется, что на его субботний «огонек» стекалось все, что было в то время в Петербурге выдающегося. В атмосфере царила какая-то доброжелательная непринужденность, всем было уютно, приятно, весело... Артисты брались за свои инструменты не потому, что их просили играть, а потому, что им самим хотелось дать удовольствие собравшимся вокруг длинного стола гостям.

Я помню живописную лохматую голову профессора Менделеева, и добродушный смех закадычного друга отца моего знаменитого физиолога профессора Сеченова, и грозный кашель Салтыкова (Щедрина), и громкий голос Лихачева (городского головы Петербурга), и остроты адвоката Унковского, и рассказы Горбунова...

Когда Иван Федорович Горбунов был особенно в ударе, он изображал старого отставного генерала, недовольного современными порядками. Горбунов усаживался у самовара, пил красное вино и решительно на все и на всех брюзжал и ворчал. Особенно доставалось молодому инженеру, Виктору Александровичу Крылову, младшему брату моей матери. Крылов неожиданно выступил в качестве драматурга. Его пьесы с большим успехом шли в то время на Алексан-

дрийской сцене, и тот же Горбунов в них играл.

– Ваше превосходительство, – спрашивал «генерала» Горбунова мой отец, – что вы скажете про новую пьесу Виктора Крылова «По духовному завещанию»?

– Черт знает до чего мы дожили, – ворчал генерал, – инженер-молокосос полез на императорскую сцену дурь разводить и дураков плодить... Я бы этого мальчишку под арест посадил и дал бы ему в руки, вместо пера, циркуль... пиши потом пьесы а-ля Сарду... корчи из себя Викториена... нам Сарды не нужны... – И генерал воспламенялся по мере того, как осушал один стакан за другим, а все вокруг, и в том числе мой дядя Виктор Крылов, хохотали до упаду.

Иногда к нам наезжал из Москвы поэт Фет. Настоящее имя его было Шеншин, помещик Афанасий Афанасиевич Шеншин, бывший некогда уланом. Женившись на сестре моего отца Марии Петровне Боткиной, Шеншин вышел в отставку и зажил в Москве, а лето проводил в своем имении, Воробьевке, рядом с Тургеневым, с которым, как и с графом Л. Толстым, находился в тесной дружбе до конца. Шеншины не любили Петербурга, приезжали только по делам, останавливались у нас и уезжали как только могли. Приезд их сопровождался целым караваном деревенских лакомств – особенная домашняя яблочная пастила, варения, наливки и т. и. Мы называли Шеншиных «старосветскими помещиками» или «соседями Лариных» – уж больно они напоминали нам эпоху Евгения Онегина. Жили они в своей Воробьевке дей-

ствительно так, как должны были жить в то благодатное время соседи Лариных, а в Москве дом Шеншиных напоминал мне дом Фамусова из «Горя от ума».

Однажды Афанасий Афанасиевич приехал из Москвы в сапогах работы графа Льва Николаевича Толстого. Нельзя сказать, чтобы это была изящная пара сапог, но Шеншин ею гордился.

– Эти сапоги, – говорил он, – были заказаны Тургеневым, но оказались ему не впору, а мне как по мерке. Я их и купил, и вот теперь ношу – от этого цена их только увеличится.

Писатель Д.В. Григорович, очень остроумный и живой человек, при этом воскликнул:

– Афанасий Афанасиевич, перед тем, как будете сапоги сдавать в музей, позвольте мне их почистить – от этого цена еще, быть может, поднимется...

Раздалось рыкание потревоженного льва. То был Михаил Евграфович Салтыков (Щедрин), который чертыхался и отплевывался.

– Тьфу ты, господи, – ворчал он, – недостает еще к этим сапогам пришить этикетку: «Сапоги шил Лев Толстой, примерял Тургенев, носил Фет, чистил Григорович, а оплевал Щедрин», – вот уж в самом деле будет тогда настоящая музейная редкость.

Я помню эту сцену, как сейчас.

Сколько раз я видел моего отца от души смеющимся в кругу своих друзей над чьей-нибудь шуткой или удачным

словцом. Когда я подросток, он мне говаривал: «Запиши, Петушок, эту прелесть, а то ведь пропадет, забудется...» – и я записывал, но все мои тетрадки, как и все, что у меня было в России, унесено безвозвратно болыневицким ураганом. Трудно теперь по памяти восстанавливать эпизоды повседневной жизни добрых 50 лет тому назад.

Я не помню, когда начал писать. Я писал ребенком, мальчиком, юношей – я писал бессознательно, писал потому, что вокруг меня все писали, и я думал, что иначе и быть не может, что всем на роду написано писать, но первыми проблесками литературного образования я обязан Фету, моему дяде Афанасию Афанасиевичу Шеншину.

В один из его приездов в Петербург Шеншин заговорил как-то о молодежи, которая теряет много ценного времени на писание.

– Пишут, пишут, – ворчал он, – а зачем они пишут? Всякий, кто может держать перо в руках, воображает себя писателем. Гимназист, как и студент, берется за все, думает, что романы писать – это все равно что грядки копать в огороде... Скольких молодых людей я уже обдал ушатом холодной воды, сказав, что их поэмы, драмы, стансы не стоят выеденного яйца... А с них словно с гуся вода... Ничего не действует, продолжают валять, не унывая... Мне не бумагу жалко, а их самих. Ведь времени-то сколько загублено, и как бы они могли это же время употребить себе на пользу и на радость...

Так нет же, не слушают старика. Ведь из тысячи только один пробьется, но каждый хочет думать, что он-то и есть этот тысячный. Ни время, ни неудачи, ни горькие разочарования его в этом не разубедят... просто болезнь какая-то, и ничего-то против нее не поделаешь...

Я, конечно, и не претендовал быть писателем, но я тоже, как многие гимназисты старшего возраста, испытывал потребность строчить, и мне страшно хотелось знать, что скажет Фет про мое «маранье», как он выражался. Я решился предложить подвергнуть себя испытанию.

– С большим удовольствием, – согласился Афанасий Афанасиевич, – скажу тебе откровенно мое мнение. Садись и напиши что-нибудь коротко, все равно что, какой-нибудь пустяк, что-нибудь, что ты видел вчера или сегодня, но, как написать, я тебе не скажу – сам должен знать. Сюжет мне безразличен, но я по манере передавать мысль смогу угадать беллетриста.

У меня еще сохранились в старой папке два листа, на которых я в этот вечер нацарапал «Городское происшествие».

Привожу рассказ в том виде, как он был представлен на суд грозного Фета.

ГОРОДСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Картинка уличной жизни Петербурга

В Петербурге. Чудный весенний день. Лед прошел, но сирень еще не расцвела в садах. Воздух свеж, но солнце уже

гreet, и так светло, прозрачно, легко и весело кругом, а между тем... с Николаевского моста среди бела дня бросился в воду человек.

Две проезжавшие в пролетке дамы взвизгнули и участливо обернулись; несколько человек подбежали к перилам и с любопытством и вниманием устремили взоры вниз. На Неве видны были только расходящиеся круги и в центре их фетровая шляпа.

– Что случилось?

– Бросился... один... вон и шляпа евовная...

– Ах!..

– Неизвестно, кто такой, – раздается дребезжащий женский голос, – порядочный или простой?

В это время из воды показывается человеческая голова. Утопающий барахтается на поверхности.

– Во, во, во... вот он, – обрадовались на мосту.

– Не принимают, знать, там, – замечает мужичок, – вот его назад и выперло.

– Что ж его не спасают? – заговорил авторитетным тоном господин в цилиндре. – Скорей бросайте ему буюк, веревку, – командует он кому-то в пространство. – А где городской?..

Тем временем утопающий, взмахнув в последний раз руками, исчезает под водой.

– Ах!..

– Да где же городской?

В публике оглядываются... А толпа на мосту становилась

все гуще и гуще. Тут стоял и мальчишка – продавец шведских спичек, и мальчишка – продавец бумаги и конвертов и несколько мальчишек без спичек и конвертов, и чуйка, и картуз, и дебелая кормилица в красном бурнуса и кокошнике с лентами, которую в солнечные дни водят по набережной, и нянька с ребенком, и разносчик с лотком на голове...

– Да городской-то где? – раздается опять авторитетный голос.

– Пришел, пришел...

Кто-то с портфелью под мышкой, проезжая по мосту, останавливает извозчика. С деловым видом господин в золотых очках старается рассмотреть:

– В чем дело?.. Упал кто?..

– Нет... а только вот человек бросился...

– Что же... вытащили?

– Нет... ушел.

Господин с портфелью под мышкой и в золотых очках с тем же деловым видом посмотрел на часы, толкнул извозчика и поехал дальше.

Прошло еще немного времени, как из-под моста показывается барка. Два мужика при помощи длинных шестов медленно двигали огромным баркасом с дровами.

– Эй, вот сюда, ребята, – кричат сверху, – скорей...

Барка подплывает к месту происшествия.

Несколько голосов сверху закричало «здесь, здесь», особенной пронзительностью отличался голос курсистки, кото-

рая, перегнувшись через перила, энергично мотала острой головой.

– Нет, уж теперь, пожалуй, поздно, – заметил кто-то в толпе.

– Именно, что так, а вот когда он выплыл, ему веревочку протянуть или буечек выбросить...

Мужики на баркасе методично опускают и вынимают из воды свои длинные палки, смотрят вверх, что-то кричат, им что-то отвечают... наконец, они вылавливают шляпу утопленника, встряхивают ее, осматривают...

– Нет, им не достать... не достать... а вот водолаза бы...

– Нет, да и для водолаза поздно.

Одна баба заохала, другая стала причитать: «Ох ты бедненький, ты... и чтой ты, прости господи, греха не убоялся ты... бедненький... Господи, помилуй»...

– Что это народ смотрит?

– Человек, говорят, утонул...

– Я-то с Васильевского острова шел... смотрю на мост, человек через решетку лезет... да так прямо... бух, а его, голубчика, еще перевернуло в воздухе, пока летел, и так головой в воду... крышка.

– Это ужасно! Ну как это, право, сколько раз такие случаи бывают и не заведут всего, что нужно... Ну где, в самом деле, спасательная лодка?.. Где? Ведь есть же речная полиция, которую для этого и держат...

– Удивительно, как это возможно среди бела дня на глазах

у публики...

– Господа, – раздаётся протяжный, звучный и внушительный голос околоточного, – разойдитесь, что смотреть, разойдитесь.

В толпе бессмысленно озираются, сторонятся, кое-кто уходит, оглядываясь назад.

– Нет, а вот я помню, как с Тучкова моста...

– Господа, разойдитесь, пожалуйста.

Понемногу все расходятся. На месте происшествия остаются только два городских да околоточный. Последний что-то записывает тупым карандашом в засаленную тетрадь. На следующий день его работа появилась в «Полицейских ведомостях»:

«Сегодня, 1 апреля, в двенадцатом часу дня, неизвестный лишил себя жизни и, несмотря на немедленно оказанную помощь находящихся в барке крестьян Ивана Кондратьева и Семена Петрова, вытасчен не был. Самоубийца средних лет, одет был в гороховое пальто и темно-серую фетровую шляпу».

Столичные газеты перепечатали мелким шрифтом это известие в отделе «городские происшествия».

Глаза читателей лишь скользнули по этому отделу неинтересных происшествий... Да оно и понятно. Настали чудные весенние дни. Сирень в садах стала распускаться, с взморья дул приятный бодрящий ветерок, и так было светло, легко и весело кругом...

Фет читал мою рукопись долго и внимательно. По окончании он взглянул на меня. Но уже по тому, как на меня посмотрел, я понял, что он остался доволен моим рассказом.

Афанасий Афанасиевич не был тароват на ласки, я поэтому очень оценил, когда он потрепал меня по плечу и произнес свой вердикт: «Тебе скажу – пиши, дружок, пиши и пиши. Обладаешь данными для беллетриста».

Но беллетристом я не сделался.

По окончании курса наук в Петербургском университете я поступил в Министерство иностранных дел.

На службе я писал. Писал много. Сначала отношения, отчеты, протоколы, статьи для газет, затем донесения, депеши, записки, «отдельные мнения»... чего только я не писал на своем веку... Все это потонуло в архивах министерских и теперь, должно быть, окончательно сгинуло в общем крушении России.

От развала уцелели у меня брошюры по специальным вопросам, коими мне довелось заниматься, и несколько тетрадок со спешно набросанными эскизами, картинками из жизни, промелькнувшей перед моими глазами.

Предлагаемое издание относится к первым шагам моей службы и включает в себе впечатления от Америки того времени.

Центральное ведомство

Поступить на службу в Министерство иностранных дел простому смертному не так-то легко.

Я воображал, что всякий молодой человек с дипломом высшего образования и более или менее специально подготовленный для службы по ведомству иностранных дел будет принят с удовольствием.

Я ошибался. Мне пришлось в этом убедиться при первом знакомстве с главарями этого учреждения.

Министерству, в сущности, ни до меня, ни до моих дипломов ровно никакого дела нет; в услугах моих оно вовсе не нуждается, знать меня не знает и знать не хочет.

Беспрепятственный доступ в министерство открыт лицеистам. Молодые люди из этого привилегированного учебного заведения прямо со школьной скамьи переходят в министерство, как из одной комнаты в другую. Это их право. Для остальных никаких определенных правил не имеется. Принимают кого хотят. Образовательный ценз в расчет не идет. В министерство поступают недоросли, не окончившие – а то и не начинавшие – никакого учебного заведения.

Какой-то критерий все же существует, в силу которого одни любы, а другие не любы. Одни жданные и желанные, а другие – непрошенные гости.

Я, очевидно, принадлежу к последней категории.

– У меня нет свободных стульев, – сказал мне министр, – очень сожалею... Приходите осенью, – добавил Н.К. Гире, любезно меня выпроваживая...

Я пришел. На лицах моих будущих начальников я прочел: «Что ты к нам пристаешь? Мы тебе сказали „приходите осенью“, чтобы от тебя отделаться любезной фразой, а ты, наивный глупец, вообразил, что мы тебя в самом деле поджигаем».

Быть может, я читал неверно на восковых физиономиях сановников Министерства иностранных дел, но, судя по кислому виду цербера, отворившего мне дверь в это святилище, я должен был понять, что я сюда не зван.

Для того чтобы быть зачисленным в качестве «сверхштатного причисленного» к одному из департаментов, нужно пройти еще через одно испытание: дается разобрать объемистое «дело» и предлагается составить письменное «резюме» дела. Полагаю, что это делается для того, чтобы убедиться в том, грамотен ли поступающий на службу чиновник. После этой формальности остается еще выждать появления циркуляра министерства.

Как только вышел приказ о моем назначении, следуя установившемуся обычаю, я облекся в вицмундир, «расписался» у министра и обошел всех начальников. Каждый из них говорил мне приблизительно одно и то же: «очень рад»... «садитесь»... и затем через две минуты вставал и отпускал ме-

ня. Одни произносили это ласковее, другие посуше, но в общем я вынес впечатление, что, принимая меня, начальники исполняют скучную служебную формальность и рады отбыть ее поскорее. Только один обратился ко мне с вопросом: «Хороший ли у вас почерк?»

В первую минуту я подумал, что сановник шутит, но восковая физиономия его не дрогнула. Он смотрел на меня совершенно серьезно своими бледными оловянными глазами.

– Разборчивый почерк, ваше превосходительство, – ответил я, сохраняя тот же серьезно-деловой вид.

Итак, я был причислен к Азиатскому департаменту.

Две залы со шкафами, столами, бумагами и чиновниками. В одной из зал помещается Ближний Восток, то есть Балканский полуостров, в другой, которая поменьше, – весь Дальний Восток, то есть Персия, Китай, Япония и пр.

Я попал в первую залу; точнее выражаясь, я нахожусь в Турецком столе. У меня есть начальник, он называется «делопроизводитель» VIII класса, над ним есть еще начальник – делопроизводитель VII класса. Все они подчинены делопроизводителю VI класса, который вместе с тем начальник всей залы. Он сидит по середине залы за маленьким столом и управляет всеми нами. Его называют начальником отделения. В следующей зале имеется такой же начальник отделения. Они переговариваются между собой, как капитаны двух кораблей одной и той же компании. А мы все, маленькие чи-

новники, составляем экипаж этих кораблей, только вместо палубы у нас столы, вместо парусов – бумаги, вместо канатов – перья в руках... Мы сидим за столами, пишем, курим и разговариваем. Разговариваем больше, нежели курим, курим больше, нежели пишем, а корабль тем временем плывет, медленно подвигаясь в неведомое мне пространство...

Описанными двумя залами не заканчивается весь Азиатский департамент. По другую сторону коридора, этой важной артерии министерства, в маленькой комнате, выходящей на двор, сидит какое-то допотопное животное. Его называют вице-директором департамента. Мелкие чиновники не имеют с ним никакого прямого общения, и вообще он редко появляется в нашей зале, но его можно видеть, проходя по коридору, в открытую дверь его клетки. Говорят, он большой работник. Охотно этому верю, потому что он всегда тут, в своей берлоге, сидит, наклонившись грузной, бесформенной массой над письменным столом, и копошится в бумагах...

Кроме вице-директора есть еще директор или, как его называют, начальник департамента. Это совсем важная птица. У него – большой кабинет и приемная. К нему ходят всевозможные посетители, начиная с иностранных послов, посланников и элегантных дам и кончая черногорскими выходцами и сербскими студентами.

Когда начальник департамента приходит в министерство, на пороге нашей залы появляется курьер и произносит магическое слово: «пришел». Тотчас же оба начальника наших

двух зал вскакивают и с деловым и озабоченным видом направляются в кабинет начальника. Они несут ему бумаги для подписи, бумаги, которые мы накануне написали, переписали, записали в журнал и занесли в архив...

«Прошла бумага» или «не прошла» – вот термины, которые понятны всякому чиновнику. «Прошла» – значит, бумага была подписана начальством, «не прошла» – значит, бумагу снова придется переписать – иногда из-за одного слова.

Я не скоро уразумел смысл официальной переписки и познал все чары бюрократического слога. Мне долго представлялось непонятным, почему административному механизму нужна такая масса бумаг. По разным пустяшным делам один департамент сносится с другим «отношениями», одно отделение переписывается с другим, один стол пишет другому столу... уже не говоря о том, что официальная переписка обставлена довольно сложной процедурой и неизбежной потерей времени. Каждая бумага имеет свой черновик, черновик переписывается, заносится в журнал, номеруется и остается в деле, а переписанная бумага сдается к подписи и затем уж поступает в экспедицию для запечатания и отправки по назначению.

К чему такая волокита, излишняя трата труда, расход на бумагу и прочее? Казалось бы, так просто по некоторым делам обмениваться устными сообщениями, по другим – заменить старый порядок непосредственной передачей чиновниками тех или иных сведений в форме кратких записок.

Я как-то решился высказать мои соображения по этому предмету одному испытанному бюрократу.

– Вы это что? – произнес он, взглянув на меня с недоумением. – Сокращать переписку вздумали... а потом вам понадобится, чего доброго, еще упразднить департамент?.. Потрясаете основы нашей государственности, милостивый государь мой... революционер! – добавил он полушутя-полусерьезно.

После этого я больше этот вопрос не затрагивал.

Рядом с официальной стороной, то есть с тем, что на чиновничьем языке именуется «присутственным местом», протекала довольно оживленная жизнь министерства в коридорах, на лестницах, в чайных и приемных комнатах.

Темная лестница, темные, грязные коридоры, заставленные шкафами, серые каменные плиты... кажется, не очень заманчивое зрелище, а какое движение по ним, какое разнообразие типов, национальностей, стекающихся сюда со всех концов света. Всякий, имеющий какое-либо касательство к Министерству иностранных дел, допускается в коридоры и может по ним беспрепятственно разгуливать в присутственные часы. Министерские коридоры – нечто среднее между клубом и театральным фойе.

Известно, что все новости исходят из темных углов коридоров, откуда они проникают в чайные комнаты и потом уже распространяются по городу. Как рождаются слухи, никто не

знает, никто за них не отвечает, но все их передают из уст в уста, добавляя и искажая новость по усмотрению.

Министерство иностранных дел расположено в трех этажах громадного казенного здания, построенного полукругом на площади перед Зимним дворцом. Выезжая из-под арки с Морской, извозчику нужно сказать: «Второй подъезд направо».

Маленькое крыльцо, низенькая передняя, заставленная вешалками, в глубине – лестница. Сколько раз, поднимаясь по этой лестнице, мне припоминались предсмертные слова Гёте: «mehr Licht». «Больше свету» – как эти слова применимы не только к министерской лестнице, но и ко всему министерству!

В каждом этаже, кроме коридоров, есть еще одно сборное место для господ чиновников – чайная комната. Это учреждение более замкнутое, нежели коридоры. Посторонние туда не вхожи. В чайной собираются чиновники одного и того же департамента. Там стоит неиссякаемый самовар, и вокруг него бьет ключом министерская жизнь. Чай пьют все, от мала до велика. Департаменты пустеют в чайное время. Те, кто заняты какой-либо спешной работой, посылают курьера за стаканом чая и выпивают его, не отрываясь от стола.

Кроме чайного хозяйства, в каждом департаменте и в каждой канцелярии есть еще «чай у министра».

Если вы зайдете в министерство после четырех часов и пожелаете видеть одного из начальников этого учреждения,

курьер вам неизменно ответит: «Придется подождать, они у министра чай пьют».

К чаю у министра собираются лишь высшие сановники, так сказать, сливки нашего ведомства. Что там творится, нам, мелким чиновникам, неизвестно. Мы только можем судить, в каком настроении вернулся после чаепития у министра наш начальник. В хорошем – подписывает наши бумаги, едва читая, только понюхав их; в дурном – летят бумаги обратно для переписки.

Иногда, как крохи с чайного стола министра, нам передают новости: «Такой-то посланник при смерти. На его место будет назначен Петров. Это ему уже давно обещано. А на место Петрова – представьте себе – Иванов, но вы не угадаете, кто получает место Иванова? Подумайте только – Сидоров. Сидоров. Да!.. Вот счастливец, но это черт знает что такое... такая несправедливость»...

Случается, что этот Сидоров находится тут же в коридорах и те самые, которые считали назначение «чертовски несправедливым», через минуту подносили «счастливцу» добрую весть, дружески пожимая ему руку. Сидоров, обыкновенно, отбояривался от этих поздравлений. «Перестаньте, господа, – говорил он, – здесь нет доли правды, пустой слух, уверяю вас... Я об этом в первый раз слышу».

Никто ему не верит, и каждый в душе думает: «Так я тебе и поверю, что ты ничего об этом не знаешь... Сам себе это устроил, интриган».

Справедливость требует отметить, что не всегда распространяемые в коридорах слухи о назначениях Петрова, Иванова, Сидорова отвечают действительности, но это не мешает возникновению новых слухов о новых переменах в составе министерства. Слухи эти всегда с жадностью подхватываются, разносятся по городу с быстротою ветра и неизменно производят волнение в том мире, который в газетах называется «дипломатическими сферами».

Чиновник Министерства иностранных дел не считается настоящим дипломатическим чиновником, пока он не сдаст дипломатический экзамен. Только после этого испытания чиновник, так сказать, достигает своего служебного совершеннолетия и становится полноправным.

Дипломатический экзамен был установлен еще во времена князя Горчакова.

Злые языки утверждают, что эта форма ценза была изобретена для молодых людей с «домашним образованием», ибо – как я уже говорил – в наше ведомство принимаются недоросли, не прошедшие никакой школы. Для них, как и для тех, кто их определил в Министерство иностранных дел, дипломатический экзамен является в некотором роде оправдательным документом для дальнейшего движения по службе.

Экзамен этот по программе своей немудреный, но на самом деле он довольно коварный. Его коварство заключается в том, что, хотя он обставляется очень торжественно, в дей-

ствительности представляет собой пустую комедию. На этих экзаменах проваливаются те, кого почему-либо хотят провалить, и, наоборот, экзамен выдерживают молодые люди, не сумевшие ответить ни на один из предложенных им вопросов.

Много анекдотов сложилось о дипломатических экзаменах, и каждый новый экзамен дает обильную пищу коридорным краснобаям.

Я нашел, что обстановка экзамена несколько театральная. На застенчивого она должна производить впечатление. Экзаменуемого вводят в кабинет товарища министра, где за большим столом сидят сановники в вицмундирах со звездами. Это – экзаменационная комиссия.

Когда я сидел перед этим блестящим ареопагом, мне было как-то совестно смотреть на сановников. Я боялся, что они прочтут на моем лице то, что я о них думал. Не знаю, кто перед кем дурака ломал – я ли перед сановниками, или сановники передо мною, – во всяком случае, экзамен мой не долго длился. Я был отпущен с комплиментами. «Благодарю вас, – сказал мне мой главный начальник, – вы блестяще поддержали традиции Азиатского департамента».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.